

Лучший пианист конкурса Денис Мацуев (Россия).

Последний конкурс столетия финишировал в минувшую среду. Омытый слезами сошедших с дистанции, их болельщиков и родных, расцвеченный счастливыми улыбками победителей и их пополнивших списки учеников-лауреатов педагогов, в любом случае он вошел в историю музыкальной жизни России. Сейчас, когда от спуртовавших финалистов еще «валит пар», а разговоры о «русской мафии» в жюри бередают умы недвольных результатами, можно только посетовать на нашу природную склонность проводить подобные мероприятия с помпой, отмахиваясь с досадой от надоедливых критиков. Как это ни банально, но именно время покажет, насколько справедливым был выбор жюри: засветившимся звездам придется теперь всю жизнь доказывать свой статус победителя.

Лучший скрипач конкурса Николай Саченко (Россия).

Алина Велихова,
Вадим Журавлев

О МУЗЫКА! ТЫ – СПОРТ!

К итогам XI Международного конкурса имени П.И. Чайковского

ПЕРВЫЕ выходы можно было сделать еще на старте. Столько красивых слов мы слышали перед началом конкурса, так клялись нам организаторы поднять его на высочайший художественный уровень, возродить «национальную реликвию» (Тихон Хренников). Очевидно, кому-то хотелось сенсации: дескать, провалило Десятый конкурс «лауреатское» жюри, вылетели из Международной ассоциации за неуплату налогов, но пришел новый, «правильный» оргкомитет, честное, принципиальное жюри, привлекли мощнейшего отечественного спонсора «Газпром» — и все встало на свои места.

Заявок от участников было прислано действительно как никогда много. Именно они формируют лицо любого конкурса: на фоне сильных соперников и побеждать почетнее. Но многие сильные исполнители не приехали в Москву, так что количество на этот раз не всегда сочеталось с качеством. Куда важнее вопрос, откуда они прибыли. Естественно — большей частью это Россия, СНГ и Восток (Корея, Китай, Япония). Нетрудно понять, что такой расклад не определяет мирового уровня конкурса, поскольку наиболее «музыкальные» страны Европы и Америки были на этот раз представлены очень скупо. Отсюда вывод — репутация нашей «реликвии» изрядно попорчена. Думаю, что после оглашения итогов по некоторым специальностям оно не вознесло в заоблачные выси и не стало кристально чистым (список всех лауреатов конкурса был опубликован в «НГ» 1 и 2 июля).

Первый тур показал, насколько опометично поступили организаторы, устроив предварительный отбор только для российских исполнителей. Масса плохих музыкантов беспощадно испытывала на прочность уши москвичей. Жюри, чей слух страдал от профнепригодных иноземцев не меньше нашего, однако, демонстрировало принципиальную лояльность: разрешилось играть и петь все, от первой до последней ноты, и к знаменитому колокольчику, чей приятный слуху звон должен был останавливать тех, кто «ошибся сценой», не прибегали. Таким образом, первый тур стал фактически отборочным (а у вокалистов он и был объявлен отборочным), а программу выступления пианистов и вокалистов пришлось изрядно сократить, чтобы не выбиться из лимита времени.

Второй тур, как обычно, был самым интересным. По условиям конкурса исполнители во всех специальностях выступают на втором этапе соревнований практически с программой сольного концерта. Именно здесь отчетливо проявляются не только техническое мастерство, но и мастерство музыканта, интерпретатора, здесь видны личность исполнителя, его способность выстроить программу и расчитать силы, завоевать аудиторию. На втором туре уже нет откровенно слабых исполнителей и еще не отсечены (чтобы не мешались) наиболее яркие и неординарные музыканты. К сожалению, уже долгое время, год от года, повторяется одна и та же ситуация: в финал не выходят именно те, кто смог бы оказать решающее воздействие на распределение призовых мест. На этот раз так случилось и у пианистов, и у скрипачей. Для примера — два исполнителя, которые оказались лучше многих «будущих финалистов» и заявили о себе как зрелые, своеобразные музыканты. Из скрипачей — это Родион Замуев. Его безупречное выступление на первом туре заставило зал буквально «взорваться», настолько его игра была совершенна по стилю (Бах) и технике (каприсы Паганини). Второй тур раскрыл нам философа, тонкого интерпретатора, вчитывающегося в композиторский текст с тщательностью, подобной археологу. И результат — гениально сыгранная соната Шнитке. Еще один герой конкурса — пианист Алексей Султанов, чье отсутствие в списке претендентов на призы повергло в шок не только слушателей, но и большинство профессионалов. Мнения о его игре сложились разные: кто-то называл Султанова волонтиристом, распевающим тексты классических сочинений, кто-то был сражен его гениальностью, услышав, опять же, совершенно «свое», но

вое, ни на кого не похожее прочтение сонат Шопена и Прокофьева и даже «Думки» Чайковского, слушать которую, честно говоря, за время второго тура изрядно наедает (обязательные произведения, видимо, надо менять от конкурса к конкурсу, дабы не воспитать в грядущих поколениях ненависть к «Думкам» и «Травушкам» Чайковского). Таким образом, личности — настоящие, творческие, свободные и неординарные мыслители, не имеющие технических проблем (что немаловажно), на III тур допущены не были. У вокалистов были свои проблемы. «Жалость» жюри, пропустившего во второй тур невиданное количество конкурсантов, опять вылилась в усеменение программы. Причем огромное количество участников нарушали регламент конкурса, исполняя вместо арии современного композитора (вторая половина XX века) произведения 10–30-х гг. Победители конкурса — среди них.

Вечные переуды о «мафиозности» жюри на этот раз могли прекратить новшество регламента — тайное голосование по баллам без всякого обсуждения. Впрочем, результаты «тайной вечери» жюри конкурса пианистов и присуждение многочисленных премий ученикам зампреда жюри пианистов Сергея Доренского доказали, что в любом случае от пристрастности присяжных от искусства никуда не деться. Да и победа по баллам — десятки, сотые — все больше превращают конкурс в «конкурс» спортивного элемента, от которого всеми силами стараются убежать устроители любого музыкального конкурса, догоняет их сам. Кроме того, было принято решение не голосовать за своих учеников, если не прошло трех лет после официального окончания учебы у данного педагога (все-таки не очень нормально, когда педагог сидит в жюри, а не в концертном зале, и вместо того чтобы просто «болеть» за своего студента, волно или невольно начинает «бороться» за приоритет своей исполнительской школы). К сожалению, при любом способе голосования, избежать пристрастности в оценках и договоренности между отдельными членами жюри совершенно нереально: общаться и обсуждать можно и вне стен комнаты, где жюри собирается для подведения итогов. Проблема кроется не в способе оценки, а в самих членах комиссии. Ведь большинство из них — педагоги, чье мнение при всем желании беспристрастным быть не может. Для престижа нашего конкурса очень важно, чтобы в нем присутствовало большее количество независимых профессионалов из дальнего зарубежья и музыкантов разных специальностей, способных оценить не только голую технику.

Памятуя о скандале прошлого конкурса, жюри по всем специальностям аккуратно (как компьютер посылал!) прислало все возможные премии: никому, вероятно, и в голову не пришло лишить пианистов, скрипачей или вокалистов высших наград. Хотя, откровенно говоря, история конкурса имени Чайковского знает куда как более выдающихся лауреатов первых премий. В общем, картина в финале сложилась такая: если хватало техники, то не хватало музыки, и наоборот.

В какой-то мере исключением, пожалуй, стал виолончельный конкурс, где уже на первом туре намечалась восьмерка сильнейших, чей исполнительский уровень находился примерно на одной планке (ее колебания, собственно, и отразились на распределении премий). В Концертном зале имени Чайковского, где проходили прослушивания виолончелистов, царилая какая-то особая атмосфера. Жюри не отказывало себе в удовольствии аплодировать (!) понравившимся конкурсантам, а те, в свою очередь, играли так, словно не соревнуются за обладание первой премией, а выступают на концерте. Немаловажную роль сыграл здесь и оркестр — симфоническая капелла под руководством Валерия Полянского, — который прекрасно аккомпаниро-

Лучший виолончелист Денис Шаповалов (Россия).

Лучшая певица — сопрано Мико Сато (Япония).

Лучший певец — баритон Бесик Габиташвили (Грузия). Фото Фреда Гринберга (НГ-фото).

вал музыкантам на III туре. Все во семь участников финала выступили прекрасно, и потому распределение премий не принесло никаких сюрпризов. Победа россиянина Дениса Шаповалова, распределение

других премий, кажется, удовлетворили и болельщиков, и специалистов.

Результаты скрипичного конкурса преподнесли некоторые сюрпризы. Обладателем первой пре-

мии стал Николай Саченко (Россия) — музыкант, безусловно, талантливый, но его выступление на III туре (как и на II, быть может, чуть в меньшей степени) было отнюдь не безупречным. Пожалуй,

Саченко не хватило физических сил и воли, чтобы не поддаться присущей его творческой натуре стихийности. Второе место жюри присудило немецкой скрипачке Латисе Хонде-Розенберг, чья игра на протяжении всех трех туров поражала богатством красок и тембров, удивительным чувством музыкальной фразы, чувством стиля и стабильностью. Единственной и, к сожалению, роковой проблемой стала для нее чистота и ясность интонации в технических сложных местах. Однако, в отличие от многих других исполнителей, чье «неопадание» на ноты раздражало (а Концерт Чайковского никто не сыграл идеально чисто), промахи немецкой скрипачки не ощущались так остро, поскольку музыкальная линия ее интерпретаций, чары ее изменчивой, говорящей разными голосами скрипки оказались гораздо важнее. Третью премию завоевала семнадцатилетняя китайка Ичун Пань. Прекрасно выступив на первых двух турах, где она продемонстрировала виртуозное владение инструментом и хорошее чувство стиля, она очень неудачно провела финал, сделав многочисленные технические промахи и в Брамсе, и в Чайковском, практически лишив этих композиторов принадлежности к какому-либо стилювому направлению в искусстве: с музыкальной точки зрения ее выступление было очень посредственным. Отдельное слово хочется сказать о сопровождавшем финал оркестре «Молодая Россия» под управлением Марка Горенштейна. Дирижер и его музыканты продемонстрировали полнейшее неумение аккомпанировать, чудовищную неучетку к интерпретациям.

Пожалуй, распределение наград у пианистов стало самым неожиданным. После окончания третьего тура всех мучил вопрос: кто победит — Вадим Руденко, мечтавший сменить III место прошлого конкурса на золото нынешнего, или англичанин Фредди Кемпф, чье выступление в финале произвело фурор. От последнего дня финального тура пианистов никто, казалось, не ожидал чего-то сульбоного, но мы прогадали. Первое место получил Денис Мацуев. Его фигура стала потихонечку выходить на первый план уже после окончания второго тура (на котором, кстати, «железный» Руденко выглядел особенно неуверенно). Финал, в особенности же обязательный Первый концерт Чайковского, внезапно поставил перед конкурсантами непреодолимые технические барьеры. Все не попадали на ноты в этом любимом народом произведении, все расходилось с оркестром и принципиально не смотрели в сторону дирижера (пианистом аккомпанировал ГАСО, дирижировал Арнольд Кап). В первый же день прослушивания вообще случилась чудовищная вещь: оба пианиста — россияне (!) Максим Филиппов и Виктория Коринская-Коган — забили «текст» Чайковского! Неплохо для финала престижного музыкального соревнования, для «художественной реликвии»? А вот нервы Дениса Мацуева оказались попрочнее: он сыграл с наивысшей частотой попадания на клавиши, потому, вероятно, и получил первое место. Это вполне закономерно, учитывая расклад у пианистов: в финале оказались четверо учеников Доренского (наверное, самого беспристрастного члена жюри). Главная надежда самого «беспристрастного» члена жюри — Вадим Руденко — не потянул на первое место, поскольку ему удавались только головокружительные пассажи, а вот относительно ровные места «трассы» этот «гонщик» проходил неровно, почему-то частенько спотыкаясь и роняя фальшивые ноты. Успешно выступил Олег Полянский (Украина): даже технически одаренному Руденко не сыграть с такой свободой, с таким ощущением пространства и с такой легкостью начало концерта Чайковского, он — незаурядный музыкант. Полянский совершенно гениально сыграл в финале Второй концерт Прокофьева, по-новому расставив

акценты, открыв в этом сочинении невероятные, почти шостаковичевские философские глубины. Но, простите, до того ли было жюри? На конкурсе «имени Доренского», который по ошибке, вероятно, еще где-то фигурирует как конкурс Чайковского, — расклад иной. Итак, по системе оценок, представленных за меткость и скорость, совершенно справедливо победил его же ученик Денис Мацуев. Вадим Руденко удовлетворился вторым местом, а третье отдали Фредди Кемпфу. Последний как-то странно смотрится в этом перечне «спортсменов». Играл он на третьем туре великолепно, открыв для русских музыкантов «нового Чайковского» и «нового Рахманинова». Потрясала выстроенность его интерпретации, непрерывность хода мысли. Не соблазнившись чистой эффектностью «технических наворотов», присущих концертному жанру, он плел из арпеджио и пассажей сложнейший узор. Кроме того, Кемпф стал, пожалуй, единственным финалистом, чье сотрудничество с оркестром было небесполезным: во всяком случае, в Третьем концерте Рахманинова ГАСО звучал иначе, появилась настоящая оркестровая линия. Победителем нынешнего конкурса у «меломанского» и «студенческого» жюри стал именно Кемпф. Никто же не виноват, что параллельно проходил еще один конкурс, на котором победил Мацуев.

Распределение премий у вокалистов не вызвало сильных эмоций у наблюдателей. Здесь в победителях по традиции оказались сложившиеся опытные певцы (в отличие от инструментальных специальностей, где от конкурса к конкурсу лауреаты «омолаживаются»). И соправно из Японии Мико Сато, и грузинский бас Бесик Габиташвили лидировали с первого тура и достойно выступили с оркестром (БСО им. Чайковского под управлением Андрея Чистякова) в Большом театре. Хотя, наверное, они продемонстрировали свой творческий и технический «потолок», а от победителей конкурса принято ждать и дальнейших успехов. В этой специальности были совсем другие проблемы. Отгорчительно, но конкурс демонстрирует падение интереса к камерной музыке: лауреатами московского конкурса все последние годы становились певцы с «большими» голосами. Но обязательные романсы никто не отменяет, и из 127 стартовавших певцов нашлось всего пять соискателей, сумевших хорошо показаться и в камерной лирике Чайковского. Много нареканий вызвало проведение финала в Большом театре (вспомним, что БЗК в этот день был пуст). Многим молодым участникам III тура необъятный зал Большого оказался «не под силу». Но самое главное, что почти превратившийся в конкурс имени Глинка (с международным статусом и провинциальной сульбой) благодаря самому присутствию во главе жюри Ирины Архиповой нынешний конкурс вокалистов уже подписал себе приговор. До тех пор пока в жюри мы будем видеть нашу великую певицу со своей отработанной на разных «всесоюзных» конкурсах командой, нам больше не увидать среди лауреатов конкурса тех, кому суждено будет штурмовать оперные олимпы. Новоиспеченные лауреаты смогут после конкурса попасть в столичные театры или из труппы Музыкального театра — в Большой. Быть может, где-нибудь в провинциальной филармонии им даже заплатят 1000 долларов за концерт. Но что дальше?

За эти дни организаторы, участники, зрители, пресса столкнулись со множеством и вполне прозаических проблем. Говорят, до сих пор конкурс не получил всех обещанных от спонсоров и государства денег. Канал «Культура» обрушил на Россию огромное количество жизнерадостных репортажей, забыв, что даже информационный спонсор имеет право на анализ. В Малом зале без своих мест в зале остались журналисты и участники, о чудовищных ошибках в буклетах уже немало написано. Хотелось бы выяснить, кто придумал продавать билеты в Большой театр в его кассах (все остальные продавались в консерватории): спекулянты продавали их в 20 раз дороже! Если творческие проблемы нам, видимо, никогда не решить, то для устранения организационных накладок у Оргкомитета есть теперь ровно четыре года.